

Е. Кралькина

Болдинская осень

16+

Елена Александровна Кралькина

Болдинская осень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54165779

SelfPub; 2020

Аннотация

У касс зоопарка толпился народ. Егор Романшин с детьми стал в очередь, а Елена пошла положить в машину кофту: она что-то слишком утеплилась. Настроение было ленивое и праздничное, хотелось получать удовольствия по максимуму. Егор достал деньги, чтобы сын Сережка, пока суть да дело, купил всем мороженое. Не так чтобы уж очень большое удовольствие, но все же. Егор достал деньги, но отдать их Сереже не успел. Кто-то громко закричал. Егор обернулся и увидел, что на Елену на дикой скорости несется машина. Елена машину не видела и переходила улицу не торопясь. Егор остолбенел, на его глазах разворачивалась трагедия, которая ставила точку на всей его жизни.

Содержание

1	5
2	11
3	15
4	18
5	23
6	29
7	34
8	39
9	42
10	44
11	47
12	53
13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
Б. Пастернак*

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Б. Пастернак*

1

Наконец-то в город пришло тепло. Весь апрель было холодно и промозгло, а сейчас, как раз на майские праздники, неожиданно, хотя и долгожданно началась весна. Егор сел на скамейку на даче на солнышке и разомлел. Лепота: птички чирикают, почки распускаются, новые листочки зеленеют, травка пробивается сквозь так и не убранные прошлой осенью старые листья. На них, на старые листья, можно не смотреть. Ну не успел прибраться осенью, ну не успел, никто его за это не расстреляет. Бог даст, может, следующей осенью он будет посвободнее и все, все сделает так, как надо...

Дали бы Егору волю, он бы так и просидел на скамейке целый день, честное слово, просидел, но дети еще за завтраком постановили, что сегодня все семейство Романшиных едет в ближайший городишко в контактный зоопарк. Егор никогда никому не говорил, даже Елене, что в душе считает своих детей самыми лучшими. Это, конечно, стыдно и, наверное, необъективно, но, что поделаешь, лезут такие мысли в голову. Дети внешне очень симпатичные, но главное – добрые и умные. Конечно, зная, сколько поколений талантливых ученых в родословной у Елены, никто не удивляется, что дети умные. Это все так, но Егору очень приятно думать, что дети пошли умом именно в него. Старший сын, Сережа,

и характером пошел в отца: сначала все обдумает и только потом сделает. А вот своими увлечениями Сережка пошел в Ленку и тещу – Наталью Алексеевну. Обожает возиться с животными и особенно их лечить. Людей Сережка тоже любит лечить. Не дай бог палец порезать или насморк подхватить. Будет каждые пять минут ранку йодом мазать и температуру заставляя мерить. В последнее время взял моду: как только Егор с Еленой приходят домой, Сережка тут как тут с тонометром, измеряет родителям давление. Не просто измеряет, у него специальные тетрадки заведены, вроде истории болезни, туда он обязательно записывает результаты, а потом с серьезным видом их с Натальей Алексеевной обсуждает. Сережке скоро будет двенадцать, вымахал почти с Елену, а вот лапочка-дочка – пятилетняя Лилечка – еще совсем крошечка. Характером Лиля в Ленку, но почему-то Егор уверен, что она обязательно станет ученым, физиком, как он. Пять лет всего, а чего только не знает и, главное, как соображает! Егор любит помечтать, как они с Лилей будут вместе работать: спорить, ошибаться, писать формулы, а потом Лиля быстренько поймет, что к чему, и будет объяснять ему, дураку, как все просто.

Егору очень хочется посидеть спокойно на солнышке, расслабиться, но, раз дети просят, надо ехать. Вон уже вышли из дома в красивых кепочках и с рюкзачками. У Сережи в рюкзаке, кроме бутылочки с водой, наверняка лежит аптечка, а у Лили – любимая игрушка – козлик Миксик.

У касс зоопарка толпился народ. Егор с детьми стал в очередь, а Елена пошла положить в машину кофту: она что-то слишком утеплилась. Настроение было ленивое и праздничное, хотелось получать удовольствия по максимуму. Егор достал деньги, чтобы Сережка, пока суть да дело, купил всем мороженое. Не так чтобы уж очень большое удовольствие, но все же. Егор достал деньги, но отдать их Сереже не успел. Кто-то громко закричал. Егор обернулся и увидел, что на Елену на дикой скорости несется машина. Елена машину не видела и переходила улицу не торопясь. Егор остолбенел, на его глазах разворачивалась трагедия, которая ставила точку на всей его жизни. У него шанса спасти Елену не было: как бы быстро он ни бежал, машина была быстрее. Крик застрял у Егора в горле... Вдруг откуда-то выскочил парень, одним прыжком догнал Лену, толкнул ее и вместе с ней упал на газон. Машина пронеслась мимо. Парень быстро поднялся, а Елена лежала не шевелясь. Егор подхватил Лилию на руки, крикнул Сереже, чтобы не отставал, и побежал к жене. Егор бежал изо всех сил, но ему казалось, что он стоит на месте, шли не секунды – минуты, часы, а он все никак не мог добежать. И все эти секунды, минуты и часы Егор боялся, что Лены уже нет в живых. Наконец, наверное, через год он добежал до жены, заглянул ей в лицо: «Слава богу, жива!» Елена приподнялась, села, огляделась вокруг. Судя по всему, она ничего не поняла.

– Егор, что это было?

Егор не ответил. Он примостился рядом с женой и крепко взял ее за руку. Теперь он Лену никуда от себя не отпустит. Лиля сейчас же забралась к матери на руки, а Сережка начал выяснять, нет ли у пострадавшей травм.

– Сережка, все хорошо, не суетись, только на ноге синяк и на руке ерундовая царапина. – Лена попыталась избежать экзекуции с применением йода.

Егор немного успокоился: все живы. Он взял телефон и нажал тревожную кнопку: нужно было сообщить о происшествии куда надо. То, что на его жену была совершена попытка наезда, он сказать сумел, а вот вопрос о том, где они сейчас все находятся, вызвал у Егора полное недоумение. Он не знал, не помнил, где он и почему.

– Подскажите, пожалуйста, адрес, где мы, я не помню, – Егор обратился к окружающим.

Телефон у Егора взял парень, который спас Елену, и очень толково все разобъяснил. Надо было что-то делать, вставать, куда-то идти, но Егору сначала надо было немного прийти в себя, передохнуть, может быть, даже соснуть минут пять. Егор закрыл глаза и погрузился в себя, помнил Егор только об одном: он должен держать Елену за руку и никуда от себя не отпускать. Очнулся Егор от громкого крика Лили: «Папочка, не умирай!» Сережка совал ему к носу ватку с нашатырем, а испуганная Елена трясла его за плечи. Что они все, с ума посходили? Егор же только на минуточку закрыл глаза, он же тоже человек, надо же ему чуть-чуть отдохнуть после

такого стресса. Дальше – больше. Подъехала скорая помощь. Их всех стали туда заталкивать и везти в больницу. Егор думал, что лечить собираются Елену, а оказалось, его. Тратить время на врачей, объяснение с ними, лечение Егор не мог. Перед ним во весь рост встал вопрос: «Почему? Почему Елену пытались убить? Если понять почему, сразу будет ясно кто». Егору нужно было проанализировать разные версии, это требовало мобилизации всех внутренних сил. При чем здесь врачи?

– Сережа, вызови в больницу бабушку Наталью Алексеевну и дядю Кирилла, больше никому ничего не говори, – попросил сына Егор и сосредоточился на своих мыслях.

Врачи что-то говорили, пытались заставить его отпустить жену, Егор не реагировал.

Наконец появились родители Лены и брат Кирилл. Яков Михайлович был белым как полотно. Кирилл еле сдерживал эмоции, Егор очень удивился, когда понял, что Кирилл сильно обеспокоен его здоровьем. Что за ерунда? Слава богу, Наталья Алексеевна, как всегда, сохраняла хладнокровие.

– Наталья Алексеевна, Кирилл, договоритесь, чтобы нас отпустили домой, под любую подписку. Мне надо домой.

– Егор, у тебя подозревают инсульт, ты не отвечал на вопросы, врачи решили, что у тебя потеря речи. Сосредоточься на себе, подумай, можешь ли ты двигать руками и ногами. Пошевели пальцами на руках.

Егор пошевелил пальцами на левой руке.

– А на правой, на правой руке пальцы шевелятся?

– Все у меня шевелится, только на правой руке я пальцами шевелить не буду и Елену не отпущу. Отвезите меня домой.

– Егор, сосредоточься на себе, скажи, у тебя что-нибудь болит?

– Душа у меня болит, Наталья Алексеевна, больше ничего.

У Натальи сжалось сердце: в глазах у Егора было необъяснимое страдание.

– Егор, запомни, ты ни в чем не виноват. Крепко запомни: НЕ ВИНОВАТ, – Наталья выделила голосом последние слова.

Егор кивнул, хотя подозревал, вернее точно знал, что виноват именно он. Не кто-то другой, а именно он, он, он. Ему давно надо было уйти из института, еще тогда, полтора года назад... Конечно, эти пресловутые полтора года позволили Егору сохранить институт, сильно продвинуться в науке, привели в его жизнь новых, интересных людей, но опасность он недооценил... Егор хорошо помнил тот день, с которого все началось...

2

В тот день Егор встал рано, Елена и дети еще крепко спали, а у него лежать и спать не было никакой возможности. Кровь бурлила от возбуждения. Днем должны были состояться приемно-сдаточные испытания их детища-изделия, над которым весь институт работал почти пять лет. Пять лет назад они чудом получили оборонный заказ, который дал возможность институту выжить.

Пять лет назад... Тогда ситуация была критической. Это было время всеобщей оптимизации: по известным только наверху правилам сливались школы, вузы, закрывались якобы нерентабельные больницы, ну и, конечно, сокращалось финансирование дармоедов-ученых. Егора передернуло от воспоминаний. Хамский тон чиновников, безграмотность, бескультуре... Во время одного из «наездов» на институт у директора Алексея Ивановича случился инфаркт. Все дела и груз ответственности пришлось взять на себя Егору. Он стал сначала исполняющим обязанности, а затем полноправным директором института. Бывало, опускались руки, казалось, все, конец. Помог, как всегда, Свирский. Работы лаборатории Полянского, куда внес некоторый вклад и Егор, не только носили глубокий фундаментальный характер, но и имели потенциально большой практический выход. Надо было

только вложить немного денег. Свирский сумел уговорить людей в погонах, началась работа, и вот теперь настало время показать товар лицом.

Георгий быстро позавтракал, выпил для бодрости две большие чашки кофе и собрался потихонечку уйти. Он старался не шуметь: не хотелось будить жену и детей. Уйти потихому не удалось. Ленка проснулась и встала, чтобы проводить мужа. Еще теплая, со сна, она чмокнула мужа в щеку и перекрестила. Теперь точно все должно пройти на отлично.

Егор приехал на работу рано, но практически все сотрудники были уже на местах. Вместе со своим большим другом и замом по науке – Митей – они обошли все подразделения и еще в сто первый раз проверили, все ли готово. Минут за пятнадцать до приезда комиссии Егор зашел к себе в кабинет немножко передохнуть и отдышаться перед приемом. На его рабочем столе лежал конверт, на котором было написано: «Г. В. Романшину, лично в руки». Егор открыл конверт, прочитал письмо и сначала даже не понял, о чем речь. Доброжелатель сообщал, что его жена, Елена, у себя на работе уже всем рассказала, что собирается развестись с Романшиным, потому что его разлюбила. Как же так? Что за чушь? Ленка не могла так с ним поступить. Если бы она действительно разлюбила Егора, она бы прямо сказала ему об этом. Только сегодня утром она целовала мужа и желала удачи. Это все так. С другой стороны, Егор давно заметил, что, когда он привозит жену утром на работу, у входа в ее институт стоит разо-

детый хлыщ, который не спускает с Ленки глаз, и, когда она входит в дверь, сразу же идет за ней. Он даже как-то спросил у Ленки, что это за чучело и что этому чучелу от нее надо. Ленка тогда посмеялась над мужем и возгордилась, что Егор ее ревнует. Она объяснила, что это чучело, вернее козел, – их новый зам. директора. По Ленкиному мнению, через нее козел хотел познакомиться с ним, с Романшиным. Егор тогда успокоился, а выходит, что напрасно. Надо было Егору задуматься и принять меры. Чучело-козел не в пример Егору следил за собой, одна стрижка чего стоила. Егор-то всегда просто просил постричь его покороче, чтобы в парикмахерскую лишний раз не ходить, ему даже в голову раньше не приходило, что для Ленки его внешность может что-то значить. Какой же Егор дурак. В сердце воткнулась раскаленная спица: как же дети? Нет, нет, ему надо уговорить Елену остаться с ним. Он постарается, он все сделает. Ему без жены и детей не жить...

Дверь без стука отворилась, и в кабинет, можно сказать, ворвались Сергей Зимин и тесть – Яков Михайлович. Как некстати. Как Егору сейчас все не нужно, все эти испытания, комиссии, как он от всего устал...

– Егор, ты мне скажи, мы тебя за человека считали, а ты... черт тебя дери, как ты мог так с Ленкой поступить? Она Якову позвонила, ревет белугой. Кто эта шлюха, твоя любовница? Я не посмотрю, что ты директор, я тебе в рожу при всех плюну, будь спок. Разводиться он решил! Все по-тихо-

му. Ленке письмо прислали, глаза открыли, нет чтобы хотя бы честно все сказать, сволочь ты после этого, – Зимин завелся по-взрослому.

– Егор, а как же дети? – тихо спросил Яков Михайлович.

В душе у Егора что-то очень красиво запело. Ленка не хочет с ним разводиться, она ревет, потому что ей тоже прислали подметное письмо. Значит, Ленка его любит, любит!!! Егор взял со стола свое письмо и дал его Зимину. Тот прочитал и передал Якову.

– Яков Михайлович, дорогой, скажите Ленке, что я никогда и ни за что не дам ей развод, пусть не надеется, а вечером со всей строгостью спрошу, что это она на работе языком всякую ерунду болтает, – Егор засмеялся, – Сергей Александрович, Яков Михайлович, я вас очень люблю.

Когда Егор через пять минут вприпрыжку спускался по лестнице встречать гостей, он слышал, что Зимин все еще орет на его секретаршу за то, что она положила на стол боссу незнамо что и устроила грязную провокацию перед приездом высокой комиссии.

3

Генералы, приехавшие принимать работу, были в штатском. Вальяжные, холеные мужики в дорогих костюмах. Только один, сразу видно, к штатскому не привык. Скорее всего, командует какой-нибудь дивизией на юге в провинции. Выдает цвет лица – такой загар в кабинете при штабе или на пляже не заработаешь. Это настоящий будущий потребитель институтской разработки, его мнение самое ценное. Настроен явно скептически, не верит, что дармоеды на что-то способны. Фамилия у генерала Быстрицкий. Егор отметил про себя, что, если представится возможность, надо будет разузнать, не было ли у него деда – генерала, воевавшего в Отечественную.

Кроме генералов, принимать работу приехали два кандидата в начальники Егора. Наверху решили, что если испытания пройдут хорошо, то надо будет начинать серийный выпуск изделия. Нашелся небольшой частный заводик, который готов был взять такой труд на себя. Какому-то большому умнику наверху пришло в голову, что из института и заводика надо сделать одно объединение. Появились две вакантные должности начальников – директора заводика и генерального директора объединения. Свято место пусто не бывает. Сразу же нашлись два зятя больших дядей – Матвей Нилов

и Андрей Ветров. Кто в какое кресло сядет, Егор был без понятия. Сейчас его это не волновало. Егор привык переживать неприятности только по мере поступления. Сейчас главное было пройти испытания – остальное потом. Однако Егор взял на заметку, что вели себя будущие начальники совершенно по-разному. Нилов с удовольствием принимал участие в церемонии знакомства, шутил, улыбался и, казалось, получал удовольствие от происходящего. Ветров, напротив, стоял в стороне, ни с кем не пытался познакомиться и излучал полнейшее равнодушие и незаинтересованность. Егору даже показалось, что Ветров настроен на то, чтобы найти любой предлог, который позволит ему откосить от участия в испытаниях. Случившееся показало, что Егор не ошибся.

Лаборатория, где должна была проходить демонстрация разработки института, располагалась на режимной части института. Генералов пропустили по списку, Нилова – после того, как он предъявил необходимые документы, а вот Ветрова затормозили. Он не успел заехать за документами. Ветров сделал вид, что полез в бутылку, стал требовать, чтобы Егор приказал его пропустить. Про себя Егор очень удивился, что Ветров такой дурак, вслух же только выразил сожаление, что ничем помочь не может: вопрос допуска в режимную лабораторию находится вне его компетенции. Хорошо, что рядом оказалась секретарша Егора, которая горела желанием реабилитировать себя в глазах шефа. Она взяла Ветрова под свое крыло.

Быстрицкий презрительно посмотрел на Ветрова и поинтересовался: «Менажер?» Ответил ему Нилов: «Предполагается, что Андрей Евгеньевич возглавит завод по производству оборудования». Быстрицкий выругался, а Егор взял на заметку, что его непосредственным начальником будет Нилов.

Жизнь Андрея Ветрова не баловала. Он привык к тому, что окружающим не до него, и это в редком, лучшем случае. Как правило, окружающие старательно портили ему жизнь. Андрей к такому положению привык, ну и реагировал соответствующим образом. Его маленький мир ограничивался матерью, женой и дочерью. Для общения с остальными, спасибо многочисленным тренировкам, Андрей научился надевать на себя непроницаемый панцирь с острыми шипами. Не подходи: уколешься.

О том, что Андрей станет директором заводика, который будет выпускать что-то крайне важное для обороны нашей великой Родины от недремлющих врагов, он узнал только неделю назад. Тесть порадовал. Тестя Андрей люто ненавидел. Чего-то хорошего или просто нейтрального от этого монстра-деспота, настоящего Карабаса ждать было просто глупо. Андрей для него что? Правильно, расходный материал. На то, что дочка и внучка где-то как-то любят Андрея, Карабасу наплевать. Если его левой пятке захочется, он Андрея подставит по самое не хочу и проглотит, не подавится.

Ситуация с оборонным заводиком казалась Андрею очень подозрительной. Он спокойно сидел в начальниках фирмы по производству окон. Ветрова все устраивало: и сама ра-

бота не бей лежачего, и нулевой уровень ответственности, и относительно свободный график работы, и зарплата. Все было хорошо. И на тебе – ему придется организовать производство инновационного продукта, да еще в режимных условиях. Больше всего Андрея страшила именно необходимость работы с чем-то, что имеет гриф «секретно». Зачем такой геморрой? Жизнь научила Андрея не доверять никому и прежде всего своему тестю. Что он задумал? Не иначе как провернуть что-то не совсем законное, а в случае провала свалить всю вину на зятя. Логично? Логично. Отвечать за грехи тестя Андрею совершенно не улыбалось. Надо как-то подстраховаться. Надо-то надо, но как это сделать, если вокруг столько людей, которые могут обмануть, и нет ни одной живой души, которой можно доверять?

Романшин произвел на Андрея хорошее впечатление, чувствуется, что мужик крепко стоит на ногах, не исключено, что с ним можно поиграть в одной команде. Однако проверить Романшина на вшивость просто необходимо. Может он быть в сговоре с тестем, если на кону большие деньги? Ясен пень, может.

Андрей решил от присутствия на испытаниях романшинской разработки откосить. Очевидно, что там все отрепетировано. На что там смотреть? Один театр и скука. В сути дела Андрей все равно ничего не понимает... Пока. Смотреть на дурацких генералов? Сытые рожи, такие же как у тестя, только один мужик вроде ничего, живой. Такой может и

вправду об обороне Родины беспокоиться.

Тут и удобный случай откосить представился. В лабораторию пропускали только после предъявления документов, что к секретам допущен. Андрей сделал вид, что роется в карманах, а потом признался, что бумаги дома забыл. Для смеха еще в бутылку полез, чтобы его просто так пропустили. На него все, как на дурака, посмотрели. Андрей даже удовольствие от представления получил.

Свободное время Андрей решил провести с пользой. От романшинской секретарши он избавился на раз, а сам пошел в курилку и прикинулся ветошью в уголке. Курилка – это как раз то место, где глас народа услышать можно. Обычно о начальстве хорошо не говорят. Вот Андрей и решил начать знакомство с Романшиным с институтской изнанки. Ясное дело, что разговор курящие мужики вели об испытаниях. В том, что испытания пройдут на отлично, никто не сомневался. Егорша – молоток, у него сбоев не бывает. Народ волновало, оценит ли комиссия перспективные разработки института и продолжится ли финансирование.

– Егорша обещал всем премию по окладу, если этап проплатят.

– Митька говорил, что, может быть, даже по два получится, если договор продлят.

– Себе-то небось по три или четыре выпишут, – подлил ложку дегтя худющий мужичок.

– Да хоть по пять, Митька-то летом хоть две недели отпус-

ка урвал, а Егорша, наверное, уже года два без отпуска пашет. Мы его трудами, можно сказать, жируем. У меня у сестры муж в соседнем институте сидит: договоров нет, грантов нет, сидят – зубы на полке.

– Да, с Егоршей не пропадешь. Только в стране полный бардак. Что он один может? Институт только-только что-то стоящее сделал, а акулы бизнеса тут как тут. Сволочи! Вот если бы нашу головку мы бы делали сами, а им, сволочам, продавали по правильной цене – вот это было бы по чесноку.

– Да кто же тебе даст? Кто ж с простым народом деньгами делиться будет? Вон сразу двоих, говорят, благовых, пристроили к делу, будут наблюдать, чтобы мимо их рта ничего не пролетело. Мужики, кто-нибудь знает, чего Зимин так на Людку утром орал?

– Таньку на разведку к Людке послали, стоим вот, новостей ждем.

Народ стал по десятому разу пережевывать то, что Андрей уже слышал, можно было уходить, но любопытство пересилило. Как Андрей успел узнать, Людка – это секретарша Романшина. Что же такое форс-мажорное произошло сегодня утром в Датском королевстве?

Танька появилась в курилке с горящими глазами, информация внутри нее кипела и переливалась через край:

– Людке конверт передали с надписью, что надо Егорше отдать лично в руки. Она, как дура, взяла и на стол ему положила, нет чтобы поинтересоваться, что внутри. А там ока-

залась анонимка, мол, Ленка с Егоршей развестись хочет, мол, разлюбила. Людка Егорше кофе понесла, дверь в кабинет открыла, а он сидит весь зеленый с письмом в руках. Тут Зимин с Полянским нарисовались. Людка подслушала, что Ленке тоже анонимку прислали, мол, у Егорши любовница, и он здесь, в институте, с ней развлекается, а Ленке врет, что работает. Зимин обещал Егорше при всех в рожу плюнуть, прямо так и сказал. Зимин, как анонимку, которую Егорше прислали, увидел, так на Людку и набросился, как будто она во всем виновата. Потом Зимин письмо забрал и к Ильичу понес, чтобы тот разобрался, вроде как провокация случилась. Ильич, конечно, на раз разберется. В нашем институте никто такого сделать не мог. Это Ленка, точно она, у себя в биологическом какой-то сволочи на хвост наступила.

Андрей похвалил себя за то, что принял правильное решение и пошел не в лабораторию, а в курилку. Кто в биологическом институте мог сотворить такую пакость, Андрей догадывался. Мысль, что неведомый Ветрову Ильич во всем разберется и найдет негодяя, существенно улучшила его настроение. План на сегодня он почти выполнил, по программе-максимум Андрею оставалось только придумать и задать несколько вопросов на засыпку, немного вывести хозяев и членов комиссии из себя, чтобы заставить их приоткрыть свои истинные лица.

Демонстрировали прибор в работе Сушкин с Баранкиным. Они прошлись по всему списку параметров, прописанных в техническом задании. Все прекрасно сработало, без каких-либо замечаний и нареканий. Вроде можно было начать подписывать протокол испытаний, но за стол, на котором стоял прибор, уселся Быстрицкий. Он захотел опробовать аппаратуру сам. Прошелся по всему меню, нажал на все кнопки, убедился, что все работает, и только тогда поставил свою подпись под документом.

Следующим пунктом программы шло знакомство со следующими поколениями прибора, сейчас находившимися в разработке. За эту часть Романшин беспокоился больше всего. Не потому, что боялся, что что-то не сработает. За аппаратуру Егор был спокоен. Боялся он реакции генералов на руководство лаборатории. Главой лаборатории Полянского теперь была Лиза Зиминая. Старшее поколение, сам Полянский и супруги Зимины, пару лет назад попросили освободить их от административных обязанностей, они хотели посвятить остаток жизни только научной работе. Егор пошел им навстречу: как ни крути, Полянскому и Зиминым было за шестьдесят. Встал вопрос, кого назначить начальником лаборатории. Митька стал для Егора правой рукой. Отпустить

его из своих замов Егору совершенно не улыбалось. Лучшей кандидатуры, чем Лиза, было не найти. Она с блеском защитила докторскую, приобрела некоторую известность в научных кругах и вообще была неформальным лидером в коллективе. Лизавета играючи справлялась со своими обязанностями начальницы, Егор был очень доволен своим выбором, а сейчас нервничал: реакция генералов на молодую женщину могла быть неоднозначной. Поначалу все пошло именно так, как и опасался Егор. Вместо того, чтобы поинтересоваться результатами работы лаборатории, генералы стали придирается к соблюдению норм техники безопасности, пошли шуточки о женщинах на корабле и т. д. и т. п. Егор уже хотел вмешаться, но Лизавета блестяще справилась сама.

– Господа или товарищи генералы, извините, не знаю, как правильно к вам обращаться. Вы еще успеете отправить меня на кухню, а сейчас давайте не будем терять время. Я предлагаю вам сконцентрировать ваше светлое внимание не на наших многочисленных недостатках, а на перспективных разработках. Объясняю, как будет проходить демонстрация. Перед вами четыре прибора. Первый хорошо вам известен – это то, что стоит на вооружении сейчас. Второй прибор – это наша разработка, которая должна пойти в серию. Вы с ней только что ознакомились. Два оставшихся – это то, над чем мы работаем сейчас: второе и третье поколение. Сейчас я включу генератор, который будет выдавать нужный нам сигнал, его должны будут зафиксировать наши приборы. Я бу-

ду уменьшать величину сигнала, а вы следите, когда каждый из приборов перестанет его чувствовать. Владимир Иванович, – обратилась Лиза к Быстрицкому, – Вы, как я заметила, самый смелый. Не сочтите за труд, запишите, пожалуйста, на бумаге получившиеся цифры. Они помогут нам оценить чувствительность приборов.

Генералы, снисходительно улыбаясь, подошли к установке. Лиза включила генератор и стала уменьшать сигнал, периодически называя его величину. Поначалу все четыре прибора регистрировали сигнал. Вдруг на первом приборе сигнал исчез с экрана. Генералы оживились, и Быстрицкий записал первую цифру. Лиза продолжила уменьшать сигнал до тех пор, пока второй прибор не перестал его регистрировать. Разработка института оказалась более чем в два раза чувствительнее. Генералы обрадовались. Результат получился даже лучше, чем у последних иностранных образцов.

– Ну что, продолжим? – улыбнулась Лиза. – Попробуйте угадать, на сколько еще можно поднять чувствительность.

Раздались ответы: процентов на десять, в лучшем случае – двадцать. Лиза стала понижать сигнал дальше. Генералы затаили дыхание и уже не спускали глаз с экранов приборов. Разговоры затихли. Когда чувствительность третьего прибора оказалась на восемьдесят процентов выше, чем у второго, глаза у членов комиссии округлились. Лиза обратила внимание гостей, что четвертый прибор продолжает устойчиво работать. Быстрицкий попросил разрешения самому по-

крутить ручку генератора и точно засесть уровень сигнала, при котором четвертый прибор, по его терминологии, загнетса. Лиза показала, что надо делать, и уступила свое место. Все затаили дыхание. Результат получился фантастическим. Быстрицкий стал повышать сигнал и фиксировать, когда сигнал появлялся на экранах приборов. Как ни странно, цифры практически совпадали с теми, что получились, когда Лиза понижала уровень сигнала. Дальше каждый из генералов счел своим долгом покрутить ручку генератора и проверить цифры. Егор переглянулся с Митей. Они просто кожей чувствовали, как Лизка внутренне хохочет, глядя на этот взрослый детский сад. Если честно, они сами еле сдерживали смех. Наконец, генералы наигрались. Посыпались вопросы: «Как удалось получить такой потрясающий результат? Когда следующие поколения приборов будут готовы к внедрению? Чем нужно помочь институту, чтобы сделать это как можно быстрее?»

У Лизки была подготовлена презентация. Она просто, на пальцах объяснила, что все дело в физике.

– В приборе, который сейчас сдает институт, реализованы некоторые наши оригинальные разработки, но в целом он работает на том же принципе, что и все более ранние версии. Перспективные версии работают на другом принципе. Это сейчас наше все. Идея разработки предложена Яковом Михайловичем Полянским совместно с Егором, т. е. Георгием Викторовичем Романшиным, – поправилась Лиза. – Ос-

новная трудность сейчас – это добиться воспроизводимости и надежности работы. Сердце нашего прибора – головку – готовит родственная нам лаборатория. Вроде бы берут материалы, детали из одной партии, а характеристики конечных приборов сильно различаются. Мы подозреваем, в чем дело, гипотезы есть, но пока проверить не можем: нет оборудования. Что-то заказали, сейчас ждем. Кроме того, нет входного контроля качества исходных материалов. Здесь тоже нужны оборудование и специалисты. Но это вопросы к руководству института, не ко мне.

Все повернулись к Егору.

– Георгий Викторович, те чудеса, которые Вы нам показали, срочно нужны в войсках. Как можно скорее составьте смету расходов, которые необходимы для доработки приборов второго и третьего поколения. Не стесняйтесь, нужны люди – найдем людей, нужны еще лаборатории – давайте строить. Если понадобится, мы добьемся, чтобы расходы на Ваши проекты были внесены в бюджет отдельной строкой. Сегодня же мы доложим министру о результатах испытаний. Генерал Быстрицкий предлагает провести полевые испытания ваших приборов у него в части. Считаем это разумным.

Егор заверил, что смету подготовит в ближайшее время. На самом деле смета была готова уже давным-давно, но Егор обратил внимание, каким заинтересованным стало лицо у Нилова, когда речь зашла о финансах, и решил не торопиться. Хотя бы из вежливости теперь придется согласовать сме-

ту с новым Боссом. Лизавета с Митькой, судя по всему, тоже заметили интерес Нилова. Лизка закатила глаза, а Митька тяжело вздохнул: число людей с ложкой и хорошим аппетитом стало стремительно расти.

Самая волнительная часть повестки дня исчерпала себя. Егор выдохнул. Остались экскурсия по территории института и небольшой банкет. Прежде всего Егор повел гостей в только что отремонтированные комнаты, куда уже было заказано оборудование для организации входного контроля материалов. Туда же секретарша Егора привела Ветрова. Он маячил в коридоре с выражением брезгливости и безразличия ко всему происходящему.

– Что же получается, Георгий Викторович, помещение пустует, а Вы от государства деньги тянете, и еще какие. Форменная бесхозяйственность! Почему государство должно Вас кормить? Сдали бы помещения какой-нибудь богатой конторе, институт расположен в хорошем месте, почти в самом центре, перешли бы на самоокупаемость. Сейчас, когда институт начнет работать в составе объединения, такому безобразию надо положить конец.

Откуда только такой дурак взялся? У Егора язык к небу прилип, а вот у Быстрицкого – нет. Он как гаркнет, да все отборным матом. Удивительно, но выражение лица у Ветрова не изменилось:

– Генерал, Вы не на плацу, между прочим, здесь дамы. Быстрицкий жутко покраснел, повернулся к Лизе и бурк-

нул: «Извините».

Лизка – чертовка – сначала потупила глазки, а потом... потом показала генералу большой палец. Быстрицкий аж плечи расправил:

– Мне б годков двадцать-тридцать скинуть, в лепешку бы расшибся, но тебя у всех кавалеров бы отбил. Сначала на тебя посмотрел: пигалица пигалицей. Думаю: «Что она может?» А сейчас вижу: не зря тебя Романшин начальницей поставил. Все правильно в жизни понимаешь, женский пол и доктор физико-математических наук, в голове не укладывается. Менагеров мы с тобой победим, не боись, не с такими справлялись.

Уже сидя за столом, каждый генерал посчитал своим долгом поднять тост за Лизаветино здоровье. Она тоже не осталась в долгу и подняла тост за настоящих Защитников. Ветров с некоторым интересом наблюдал за происходящим, все внимательно слушал и задал Егору вопрос на засыпку:

– Георгий Викторович, не сочтите за труд, объясните дураку, зачем тратить деньги на разработку второго и третьего поколений прибора. Насколько я понял, тот прибор, который Вы сегодня сдали, на двадцать-тридцать процентов лучше мировых аналогов. Зачем тратить силы на изобретение еще чего-то? Мы и так впереди планеты всей. Разумно, наоборот, сделать версию прибора с более низкой чувствительностью, скажем, только процентов на пять лучше, чем у буржуев, и начать продавать его втридорога.

Егор почесал затылок: как найти интеллигентные выражения, когда на языке вертится только то, что уже озвучил Быстрицкий? Помог Нилов. Он просто попросил Ветрова заткнуться. Ветров послушно заткнулся. Однако остальной народ сильно возбудился. Камень, брошенный Ветровым в тихую заводь, породил если не цунами, то достаточно сильный шторм. Каждый посчитал своим долгом внести свои пять копеек в обсуждение. До безобразий, происходящих на телевизионных ток-шоу, дело не дошло, но шум поднялся довольно сильный. Ветров с удовольствием следил за дискуссией, а Егор заскучал: ему бы в лабораторию, установку включить... Коммерция явно не его стезя. Он даже обрадовался, когда председатель комиссии по приемке прибора и Быстрицкий решили переговорить с ним тет-а-тет. Егор пригласил их в свой кабинет. Как Егор и предполагал, речь пошла о Ветрове. Завод, конечно, частный, но как-то повлиять на собственника можно, нельзя же такого дурака на важное дело ставить. Все завалит. Романшин по жизни не любил рубить сплеча. Что-то в ситуации с Ветровым было не так. Говорил и действовал он, как самый отъявленный дебил, но глаза, Егор заметил, у него умные и внимательные. Во время банкета Егору даже показалось, что Ветров устроил всем присутствующим просто тест на вшивость. Егор подумал, подумал и взял тайм-аут на обдумывание, решил сначала поближе с Ветровым познакомиться, отказаться от него можно и попозже. Разговор вроде бы исчерпал себя, генера-

лы встали, но Егор не спешил с ними расставаться. Он достал из стола книгу о судьбе трех солдат Великой Отечественной, которую написал его родной брат. Там в конце была размещена фотография дедов Егора, Полянского и Зимина вместе с генералом, у которого тоже была фамилия Быстрицкий.

– Владимир Иванович, посмотрите, пожалуйста, это случайно не Ваш дед?

У Быстрицкого аж руки затряслись:

– Откуда у тебя... То-то я все думаю: отчего мне фамилия Романшин такая знакомая? Постой, а Зимина? Это что же получается: пигалица – внучка или, наверное, уже правнучка кого-то из фронтовых товарищей?

– Так случайно получилось, что мы все в одном институте оказались. Сергей Александрович Зимин и Яков Михайлович Полянский, ну и я – внуки. Лиза и моя жена Лена (она биолог) – правнучки.

– Дай, Егор, я тебя обниму, не обижайся, что на «ты»... Нас с тобой наши деды породнили. Вы такое дело сделали. Был я в Германии и пистолет, из которого эта сука деда ранила, видел. Он ведь после ранения так до конца и не выздоровел. Немецкая пуля не достала, а эта сука...

Быстрицкий взял книгу и пошел показывать ее остальным. Надо сказать, книга произвела фурор. Егор заметил, что Ветров с Ниловым сфотографировали обложку, видимо, тоже заинтересовались.

Наконец, генералы отбыли. На прощание Быстрицкий

расцеловался со всеми и, конечно, с Елизаветой. Он взял честное слово, что теперь отдыхать в отпуск – только к нему: у него и охота, и рыбалка, и природа нетронутая...

Егор надеялся, что Нилов с Ветровым тоже отбудут, но они направились к нему в кабинет. Егору бы Ленке позвонить, хоть только голос ее услышать, ан нет, надо еще политесы разводить. Митьку он отпустил праздновать, сейчас во всем институте дым коромыслом. Шуточное ли дело – такой заказ скинули. По дороге в кабинет Егора на минутку отозвала Ирина Константиновна. По ее мнению, Ветров своими глупостями специально провоцировал народ. Она шепотом посоветовала Егору сохранять спокойствие.

В кабинете, как только закрылась дверь, Нилов напустился на Ветрова. Особенно он негодовал, что Ветров забыл документы, позволяющие ему присутствовать на испытаниях. Егора трудно было удивить, но Ветрову это удалось. Он полез в карман, достал документы и предъявил их Нилову.

– Мать твою, Андрей, что за цирк?! Ты, что, шут гороховый? Что за представление ты устроил? Что за чушь ты нес?

– Матвей, а зачем ты ходил на испытания? Что ты там увидел и понял? Ты хоть закон Ома помнишь? Только честно.

– Если честно, то в общих чертах.

– Ну и я – в сильно общих. Что бы я там увидел? Только то, что хотел показать Георгий Викторович. Там же все сто раз отрепетировано, а я на живую институтскую жизнь

решил посмотреть, пошел в курилку, на людей посмотрел, послушал, что они говорят.

– Ну и что же Вы узнали про нашу институтскую жизнь? – Егору стало очень любопытно.

– Что узнал? Ну, например, что Вас за глаза Егоршей зовут. А кстати, что Вам сказала женщина, которая Вас в коридоре остановила и на меня все время смотрела?

– Ирина Константиновна? Она посоветовала мне причесться, – Егор попробовал взъерошить волосы, но это у него плохо получилось: слишком коротко постригся.

– Один – один, – Ветров первый раз улыбнулся. – Георгий Викторович, теперь я хочу задать Вам серьезный вопрос. Насколько я понял, Ваша новация – это не весь прибор, а, скажем так, его сердце. Не целесообразно ли было бы изготавливать это сердце у Вас и продавать нам на завод? Все какая-то для Вас копейка. А мы на заводе уже вставляли бы Ваши сердца в приборы и получали бы, так сказать, живой организм, который и продавали бы заказчикам для укрепления обороны нашей Родины. Мне такая схема кажется очень разумной.

Егор заметил, что Нилов задумался; идея на самом деле хорошая, но Егору пришлось вылить на бизнесменов ушат холодной воды.

– Это, судя по всему, Вы, Андрей Евгеньевич, наших мужиков в курилке наслушались. Я двумя руками за Ваше предложение, только есть одно но: у института нет площа-

дей, где можно было бы разместить производство. Потребность ведь в приборах огромная.

– Думаю, это вопрос решаемый. У нашего завода с Вашим институтом общий забор, насколько я понимаю, завод раньше был опытным производством Вашего института, потом его приватизировали. Совсем рядом с забором есть вполне приличная домишко. Мы забор немного передвинем и сдадим Вам домишко в аренду за символическую плату. Как Вам такая идея?

Егор задумался. Если проанализировать все сегодняшнее поведение Ветрова, то складывалось стойкое впечатление, что он чего-то боится. Этот вопрос надо серьезнейшим образом обдумать, причем не только самому, а все детально обсудить с Василием Ильичом, его замом по режиму. Он, конечно, сейчас формально в отставке, но отставки у сотрудников спецслужб, говорят, не бывает.

– Андрей Евгеньевич, Ваше предложение мне нравится, но его надо рассмотреть со всех сторон, сначала посмотреть, что за домишко и какую арендную плату Вы считаете символической.

– Андрей, а ты уже был на заводе? Почему меня с собой не взял? – начал ворчать Нилов.

– На заводе я был, но не как директор, ходил на работу менеджером устраиваться.

– Тоже в курилке торчал?

– И в курилке тоже. Больше всего информации мне секре-

тарша бывшего директора слила. Нового директора они ждут только на следующей неделе, сейчас старые грехи прячут. Георгий Викторович, мне бы с Вашим режимщиком переговорить, Ильичом, кажется. Я с режимом никогда дела не имел. Кстати, как Вы его нашли? Вам его прислали сверху?

– Моего зама по режиму зовут Василием Ильичом. Вижу, не зря Вы у нас в курилке время провели. Когда-то, когда я только пришел в институт, я попал в водоворот событий, связанных с историей моего деда и дедов Полянского и Зимины. Они вместе прошли всю войну. Тогда мы познакомились с неким Германом Андреевичем из ФСБ. Он и порекомендовал мне Василия Ильича. Он оказался прекрасным работником и человеком.

Егор набрал Ильича и попросил секретаршу проводить к нему Ветрова.

Нилов тоже встал и начал прощаться.

– Георгий Викторович, я хочу, чтобы Вы знали: Андрей и я – мы здесь, чтобы помочь Вам и довести Ваши разработки до производства. Можете рассчитывать на нас. Я только должен Вас предупредить, что у меня есть один, может быть, существенный для Вас изъян. Я женат на Алле.

Егор уже собрался сказать, что ему совершенно без разницы, кто жена Нилова, но тут его прошиб пот. Егор и думать забыл о своей первой жене. Неужели ему снова придется с ней общаться? Шерсть у Егора сразу стала дыбом, но он сумел взять себя в руки.

– Надеюсь, что объединением будете руководить Вы, Матвей Матвеевич, а не Алла.

– В этом можете не сомневаться.

– Ха-ха, – высказал свое мнение Ветров и быстро вышел из кабинета.

Андрей довольно долго проговорил с Василием Ильичом. Мужик Андрею в целом понравился, вроде правильный. Хотя... хотя, что у этих бывших силовиков на уме, фиг поймешь. Смотрел честными глазами, но, может быть, мысленно уже Андрея сто раз приговорил и привел приговор в исполнение.

Сначала Андрей попросил у Ильича помощи в организации надежной системы безопасности, упомянул, что в долгу не останется. Ильич вопрос о вознаграждении за работу сразу же отверг: работает на Романшина и «хозяина» менять не собирается, слугой двух господ тоже быть не приучен. Все, точка. В помощи не отказывает, советом, связями поможет.

Дальше Андрей высказал еще раз свое предложение об изготовлении главной детали прибора в институте и продаже ее заводу. Ильич ответил, что этот вопрос вне его компетенции, а потом прямо в лоб спросил:

– Андрей Евгеньевич, чего Вы боитесь?

Андрей решил сыграть ва-банк:

– Ничего конкретного и всего сразу. Боюсь стать сначала марионеткой, а потом козлом отпущения.

– Опасения Ваши понял и буду работать. Постараюсь найти для Вас опытного, надежного человека, который будет от-

вечать у Вас за режим. Мы теперь с Вами в одной лодке. Но все-таки какая-то конкретика у Вас, наверное, есть? Если уж пришли и сказали «А», почему бы Вам не сказать «Б»?

– Что ж, наверное, действительно, правильнее что-то рассказать, раз уж я к Вам пришел. Во-первых, я вчера побывал на территории завода инкогнито. Пустили на раз, документы не проверяли, правда, и незачем: в заборе дырка на дырке. Я сделал вид, что ищу бухгалтерию и отдел кадров, ткнулся в разные здания. Всюду иди куда хочешь, а в одном домишке – настоящая охрана, можно сказать, вышвырнули меня. Что там такое? По документам это просто склад.

– С этим я разберусь. Пока повремените с началом трудовой деятельности на заводе. Я разберусь и отмашку дам. Что-то еще?

– Есть еще, но это вопрос сложный. Собственники завода – мой тесть и тесть Нилова. Это, думаю, Вам хорошо известно. Завод они прикупили у некого Плахотнюка. Насколько я знаю, тесть Плахотнюка ненавидит. Что это за сделка? Бизнес и ничего личного, или... или тесть с Плахотнюком игру затеяли «Кто кого», игру, в которой я пешка, которой легко жертвуют. Не исключено, что на Романшина с Ниловым отрекошетит. Теперь все. Очень надеюсь, что все сказанное останется между нами.

В голове у Андрея всплыли строчки из Пушкина:

Но мне порукой Ваша честь,

И смело ей себя вверяю...

Интересно, у Ильича честь есть?

Как только за гостями закрылась дверь, Егор сразу же набрал Елену. Она оказалась вне доступа. Егор чертыхнулся. У Ленки в институте вечно проблемы со связью, он бы за такие дела, не задумываясь, кого надо взгрел, глядишь, связь бы и наладилась. У Ленки прямо не институт, а какая-то богадельня. Неужели начальство само от такого безобразия не страдает?

Домой хочется, мочи нет, но Егор, как всегда, при исполнении. Надо пойти поздравить и поблагодарить людей. В каждой лаборатории, конечно, Егора усаживали за стол и, естественно, наливали. Егор старался пить как можно меньше, но лабораторий в институте было много, и выпитое в каждой лаборатории в его организме складывалось аддитивно. В лабораторию к Елизавете, в свой родной дом, он пришел уже подшофе. Сразу подошел к Полянскому. Тот заверил, что все рассказал Елене и теперь боится, что она разнесет свой институт по кирпичику. Ильич установил, что анонимка пришла из Ленкиного института. Кого-то Ленка сильно достала.

Егор расслабился. Теперь все хорошо. Теперь не грех и выпить со своими, все-таки они все молодцы. Такую глыбу с места сдвинули. В лабораторию подошел и Ильич. Егору

показалось, что ему хочется перекинуться с ним парой слов. Пошли к Егору в кабинет. Немножко пообсуждали прошедший день, и в самом конце Ильич посоветовал Егору подумать над предложением Ветрова об организации производства головок в институте. Как раз в это время в кабинет Егора заглянул Митька. Он, как услышал про организацию производства, так сразу вошел в раж. Сначала он увеличил стоимость головок на десять процентов по сравнению с себестоимостью и подсчитал прибыль – голова пошла кругом. Конечно, голова и так кружилась от выпитого, но цифры впечатлили. Потом Митька решил, что десять процентов – это очень скромно, и удвоил цифру. Митька сразу же прикинул, какое оборудование можно купить на эти деньги. Вот это да! Ильич засмеялся:

– Эх вы, ученые, кто же меньше чем на два умножает? Пока прибыль не считайте, а то у вас заворот мозгов случится. По дороге посчитаете, поедемте, я вас домой довезу.

Егор вошел в дом, к нему сразу кинулись дети. Все как всегда, но в сердце опять воткнулась раскаленная спица: Ленки дома не было.

Выйдя из института, Андрей почувствовал, что скинул с себя большой груз. Может, зря выложил все силовику? С другой стороны, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Одному Андрею не справиться.

Андрей решил сразу поехать домой. Дома нарисовались проблемы с женой. Дочка Ксюшка проговорила отцу, что мать пьет транквилизаторы втайне от Андрея. Жenu Андрей любил. Конечно, он замечал, что с нервами у Эммы не все в порядке, но, чтобы дело дошло до транквилизаторов... С этим надо что-то делать. В проблемах Эммы, конечно, виноват отец – самодур и деспот. Самое ужасное, что тесть ненавидел не только Андрея. Почему тесть ненавидит свою старшую дочь, Эмму, Андрей не мог понять при всем желании. Тесть пристально следил за жизнью Андрея и Эммы и целенаправленно убирал из их жизни все, что им нравилось. В качестве ответной меры Андрей научился не показывать своих пристрастий и надел на себя личину холодного, безразличного циника. А вот Эмка, хоть и психолог по призванию и образованию, переживала по поводу каждой каверзы отца и сильно нервничала. Наверняка таблетки выписал Эмке ее старый институтский друг и бывший жених – Борька. Андрей решил обязательно с Борькой встретиться и разо-

браться по-мужски. Эмка и ему, и Ксюшке нужна здоровая, а не с изуродованной таблетками психикой.

Андрей уже почти подъехал к дому, когда позвонил тесть и приказал приехать с отчетом о сегодняшнем дне. Андрей про себя чертыхнулся, хорошо хоть, Эмма с Ксюшкой тоже были вызваны в гости.

Тесть сразу же пригласил Андрея в кабинет. Внешне отчеты Андрея сильно походили на происходившее в доме Ниро Вульфа. Грузный тесть сажился в большое кресло и закрывал глаза, а Андрей, как Арчи Гудвин, должен был пересказывать тестю все события, включая реплики действующих лиц. Все шло спокойно, пока Андрей не рассказал о своем предложении продавать несколько ухудшенную версию прибора за рубеж и завязать с дальнейшими разработками. Тут тесть открыл глаза и потребовал с этого места изложить поподробнее и в лицах, стал придираться к словам, уточнять формулировки. Андрей насторожился, тесть что-то нащупал, что-то, чего раньше не просчитал. Естественно, что своих мыслей тесть не выдал. Предупредил, что вечером уезжает, по крайней мере, на неделю по делам, и велел докладывать о состоянии дел ежедневно по телефону. Андрей выдохнул.

Вместе с тестем Андрей прошел в гостиную. Там гремел грандиозный скандал. Теща подарила Ксюшке платье для ее выступления на школьном вечере. Ксюшке платье очень понравилось, оно соответствовало всем канонам, предписанным глянцем. Эмма считала платье категорически неподхо-

дящим. Андрей внутренне согласился с женой. Он старался выглядеть спокойно и невозмутимо, но внутри у него все закипело. Платье было совершенно непотребным, теща вообще умом не отличалась, но сейчас превзошла саму себя. Андрей никогда не скрывал, что придерживается консервативных взглядов на моду. Он вырос в провинции в неполной семье с мамой – учительницей музыки, где всегда все было традиционно и пристойно. Сейчас ему сильно захотелось что-нибудь разбить и долго громко орать, может быть, даже ногами потопать, но... скандал надо было как-то прекращать. Андрей не стал запрещать дочери надевать платье, он предложил взять его домой и там все спокойно обдумать и обсудить.

Всю дорогу домой Андрей обдумывал ситуацию. Как разобраться с Ксюхой и платьем, он придумал на раз. С Эммой сложнее: надо узнать, что ее грызет, что заставило ее пить таблетки? В принципе, это проблема тоже решаемая, а вот если его закроют или, того хуже, убьют – надо смотреть правде в глаза, – его девочки погибнут. Эмка пополнит ряды пациентов психушки, а из Ксюхи сделают дорогую шлюху вроде Эмкиной младшей сестры – Нинки. Вот с этим Андрей согласиться не мог никак. Ксюха – это святое. Андрей должен бороться и победить темные силы. Помочь ему в этом должна Эмма.

Наталья Алексеевна, Егорова теща, сразу заметила, что с ним что-то не так, и поняла причину.

– Егор, не волнуйся, у Ленки на работе случился форс-мажор, она куда-то за город к академику поехала. Недавно звонила, что уже едет домой.

Егор выхватил телефон:

– Ленка, ты где? Я сейчас за тобой приеду. Что значит не надо? Ты уже во двор въезжаешь? Тогда я побежал тебя встречать.

Через пять минут Наталья Алексеевна попросила Майку посмотреть в окно: приехала ли уже, наконец, Ленка? Все заждались, давно пора подавать ужин.

– Мать, давай уже ужинать, есть хочется, сил нет. Ленка приехала, только они с Егором домой не спешат.

– Что так?

– Целуются...

По Елениному виду Егор сразу понял, что настроение у нее боевое, и расспрашивать не стал. В гостях у Полянских был Сергей Зимин. Он-то и призвал Ленку к ответу.

– Признавайся, кому на хвост наступила, кому про развод говорила. Все говори, начнешь врать или чего недоговаривать – сразу пойму. Здесь дело не просто семейное, мож-

но сказать, государственное. Кто-то настоящую провокацию нам устроил.

– Дядь Сереж, да я и не собираюсь врать. Все началось с того, как к нам в институт пришел козел Макс.

– Мама, а козлик Макс был серенький или беленький? Вы его изучали?

Елена с недоумением посмотрела на дочь, приснула и ответила: «Серенький». Про себя она решила, что от этого серенького козла завтра не оставит ни рожек, ни ножек.

– Лилечка, только козлика зовут не Макс, а Миксик. Козлику очень нравится Микки-Маус, он хотел, чтобы его тоже так звали, но Микки-Маус все же мышка, поэтому козлик придумал себе имя Миксик, – Лена решила на всякий случай перестраховаться: вдруг к ней заглянет кто-нибудь из коллег и захочет пообщаться с Лилькой. – Итак, все началось с того, что к нам в институт пришел новый зам. директора – Максим Олегович Козлов, а наш директор, Валерий Иванович, сломал ногу. Вы знаете, что я сейчас работаю вместе с отличной теткой – Раисой Юрьевной, у нас полный консенсус. Некоторое время назад нам спустили сверху несколько тем, можно было выбрать, чем заниматься. Раисе одна тема сильно глянулась, с ее кандидатской перекликалась. У Раисы руководителем был наш самый знаменитый академик – Семечкин. У нас в биологии даже есть закон Семечкина. Так вот этот закон считается незыблемым, а у Раисы при некоторых условиях получались результаты, которые в этот самый

закон не вписывались. Семечкин этим очень интересовался. К сожалению, развить результат Раисе не удалось, чего-то из оборудования не хватило. Ну, мы с Раисой решили тему взять и в ней покопаться. Очень быстро выяснилось, что чувствительности у наших приборов не хватает. Я об этом рассказала Майку с Ларкой. В детали вдаваться не буду, но мы с Майком скинулись и купили самое крутое оборудование. У наших ни у кого такого нет. Валерий Иванович еще до того, как сломал ногу, разрешил разместить все приборы у нас в лаборатории. В общем, поначалу мы с Раисой приуныли: все получалось точно, как предписывает закон Семечкина. А потом у нас аспирант случайно неправильную температуру выставил – и тут поперло! Мы температурный интервал расширили, да еще Ларка с Майком предложили наши образцы в слабые электрическое и магнитное поля положить – получилось чудо чудное. Только успевай эксперименты ставить и результаты подклеивать. Решили мы с Раисой начать публиковаться. Думаете, кто-то проникся? Все рецензенты как один написали, что раз данные противоречат закону Семечкина, значит, у нас эксперимент грязный. В общем, мы поняли, что, кроме Семечкина, нам никто не поможет. Мы красивую презентацию подготовили, и я стала пихать Раису, чтобы она Семечкину позвонила, а она ни в какую, стесняется. Я ей сто раз говорила, что не может быть, чтобы ее Семечкин забыл, а она чуть не плачет и не звонит. Здесь выяснилось, что Козлов тоже у Семечкина диссертацию делал. Я

к нему: «Помогите связаться с академиком». А он захотел сам сначала презентацию посмотреть. Я пошла. Прихожу, а у него в кабинете на столе – тарталетки с икрой, шоколадные конфеты, чай, кофе. Я к компьютеру, а Козлов меня за стол усадил, мол, нельзя же только о работе думать. Ну, я тарталетку съела, конфеткой закусила и к компьютеру. Козлов рядом со мной уселся и завел волюнку, какая я интересная женщина. Я ему на экран пальцем тычу, а он меня по коленке начал гладить. Тут я разозлилась и донесла до него инфу, что не люблю тактильных контактов, тогда этот урод полез обниматься. Я ему по рукам дала, флешку забрала и ушла. Это было вчера. А сегодня Максим Олегович явился к нам в лабу, довел до нашего сведения, что презентацию нашу посмотрел и считает, что мы туфтой занимаемся. Нашу тему он прикрывает и предписывает нам заниматься одной мусорной темой, которую никто из наших не взял. Я только-только от анонимки отошла, а тут – как обухом по голове. Что делать? Я у Раисы телефон Семечкина взяла, сама ему позвонила и презентацию по мейлу послала.

– Елена, почему ты раньше ничего мне не рассказала? На Семечкина через Свирского выйти – раз плюнуть. Ну и челу вашему уж я как-нибудь по башке настучать бы сумел, – Егору было стыдно, он в последнее время зациклился только на своей работе, а Ленкиной совсем не интересовался. Даже о том, что они с Майком прибор купили, не знал.

– Егор, ты знаешь, я женщина самостоятельная. Свои про-

блемы я привыкла и хочу решать сама. То, что ко мне пристал этот урод, дело житейское. Я не могу каждый раз тебя ждать, чтобы нахалов на место поставить... Так, мысль сбил. На чем я остановилась? Семечкин мою презентацию посмотрел и попросил срочно приехать. Сам он приехать не мог, простудился. Я взяла такси и поехала одна, Раисе внука из школы надо было забирать. Когда приехала... – Елена при- тормозила.

Она хотела сказать, что Семечкин писал кипятком, но взгляд ее упал на дочку. Лиля сидела на коленях у деда, рисовала козлика, но ушки у нее точно были на макушке. Лена решила выбрать более нейтральное выражение:

– Когда я приехала, Иван Иванович был очень возбужден. Оказывается, он давно подозревал, что его закон работает только в определенном диапазоне условий, и вот теперь дождался... Я рассказала, что Майк с Ларой считают, что, скорее всего, его закон работает, просто при других условиях накладывается еще один процесс, который идет в другую сторону. Иван Иванович обещал это обдумать и наметить план работ. Тогда я пожаловалась на Козлова и наступала, что он прикрыл наши работы. Семечкин сейчас же позвонил нашему директору и попросил прекратить произвол. Они договорились еще попозже переговорить, вроде бы Валерий Иванович выздоровел, а я поехала домой. Теперь все.

– Ленка, не все. Кому ты про развод говорила? Наш начальник охраны выяснил, что все разговоры о вашем с Его-

ром разводе пошли из твоего института, – Зимин решил докопаться до дна.

– Дядя Сережа, никому я про развод не говорила. Ой, вспомнила, дня три назад... Козлов повадился к нам с Раисой ходить каждый день и комплименты делать. У Раисы сын – помощник депутата, а у меня муж – его Сиятельство Георгий Викторович Романшин, можно сказать, Небожитель. Ну вот, он пришел и как пошел языком трепать: уж какие мы красивые, умные и т. д. и т. п. Меня зло взяло, столько времени на ерунду теряем. Я тогда немножко съязвила и вопрос на засыпку задала: «Максим Олегович, интересно, если бы мы с Романшиным разошлись, какие из моих достоинств пережили бы это событие?» Все, больше никогда и ничего про развод не говорила.

Наталья Алексеевна встала и пошла на кухню за пирогом. Сережка поднялся вслед за бабушкой. Как только он решил, что взрослые его не слышат, раздался театральный шепот: «Бабушка, а мама с папой не разведутся?» Это услышала Лиля и в свою очередь спросила у деда, что такое «разведутся».

– Лилечка, разведутся, ну, если бы мама и папа поссорились и стали бы жить отдельно.

– Какой Сережка все-таки глупый. Как мама с папой разведутся, если они оба живут здесь вместе с нами и никогда не ссорятся? – Лиля продолжила рисовать.

Всю дорогу домой Ксюша дулась на родителей, а как только переступила порог квартиры, заявила:

– Папа, это ты специально у деда лапшу мне на уши стал вешать, что насчет платья нужно еще что-то обдумать? Решил уговорить меня, что платье плохое? Я его все равно надену, можешь не сомневаться. Мне платье нравится, и бабушке с тетей Ниной, между прочим, тоже. Все девчонки будут в таких платьях, а я – в черной юбочке и белой блузочке? Может, еще белые гольфики надеть, как в детском саду?

– Белые гольфики не надо, и юбочку с кофточкой можно найти поинтересней. Просто в этом платье ты будешь как все. Сама же говоришь, что все девчонки будут в таких платьях. Все вы будете, как близнецы инкубаторские. Ты же где-то там в каком-то конкурсе собралась участвовать. Как же ты сможешь победить, если будешь как все?

– Ну и что ты предлагаешь?

– Ты сама думай. Я в школе как-то первое место занял, романс «Я усталый, старый клоун...» Вергинского исполнял. Сильно от других отличался.

– Вергинский – это отстой!

– Сама ты отстой. Помню, мы с мамой сначала музыку на магнитофон записали, я на фортепиано играл, а она на

скрипке, а потом я уж под эту музыку репетировать сам романс начал. У мамы подруга в театре работала, мне там выдали фрак, рыжий парик и котелок. Я себе очень нравился. По молодости так было здорово петь:

Звонят, гудят джаз-банды,
Танцуют обезьяны
И бешено встречают Рождество,
А я, кривой и пьяный,
Заснул у фортепьяно
Под этот дикий гул и торжество.

Потом я незаметно доставал фигурку ангела из рукава, изображал, удивление, восторг, стыд. А в самом конце, после слов:

Я внимал жестокой речи.
Утирая фракком слезы,
Слезы боли и стыда.
А высоко в синем небе
Догорали Божьи свечи.
И печальный желтый Ангел
Тихо таял без следа...

– я снимал черные очки, а под глазом у меня была нарисована большая черная слеза. Аплодисменты стояли оглушительные.

– Папа, спой! – начала клянчить Ксюша.

Что не сделаешь ради любимой дочери?.. Андрей нашел старую запись музыки, надел черные очки, старую шляпу

и... превратился в усталого, старого клоуна. Эмма каждый раз поражалась, как легко Андрей может перевоплощаться. Эмма несколько раз слышала этот романс в исполнении Вертинского, но оставалась равнодушной, а тут чуть слезу не прошибло. Заключительный аккорд играла только скрипка, не так, как в оригинале у Вертинского. Непонятно, как это получалось у свекрови, но в этих нескольких нотах был слышен крик души. Ксюшка пришла в восторг. Что-что, а с музыкальным вкусом у нее было все в порядке.

– Пап, а если мне тоже клоуном нарядиться. Как ты думаешь, у меня получится?

– Получится, если работать будешь. Мама тогда со мной много занималась.

– Пап, а что с платьем?

– Думаю, ты должна пародию изобразить на какую-нибудь из этих кривляк, которых все время по телевизору показывают. Платье как раз для этого подойдет. Не дуйся. Отстой твое платье, я это тебе как мужчина, не как отец говорю. В женщине загадка должна быть, а тут – сразу все наружу. Такое только козлам нравится. Все, иди уроки делай, а мне с твоей мамой поговорить нужно. Мы пойдем с ней пройдемся немножко.

Андрей, пока изображал клоуна, видел, что Эмма отошла после скандала у родителей и оживилась, а как только он сказал, что хочет с ней поговорить, напряглась и ушла в себя. Андрей вывел жену на улицу и предложил пойти пройтись

чуть дальше на бульвар. Эмма послушно прошла несколько шагов, а потом резко остановилась.

– Андрей, если ты хочешь сказать, что решил со мной развестись, идти далеко не надо. Если ты так решил, я согласна. Только Ксюшка должна остаться со мной.

Андрей ждал чего угодно, только не этого.

– Эмма, ты в своем уме? Что ты удумала? С чего ты решила, что я хочу с тобой развестись?

– Я знаю, что у тебя есть другая женщина. Ты встречаешься с ней на даче. Алла Нилова несколько раз видала, как ты ехал на дачу в рабочее время. И вообще, ты теперь большой начальник, и я тебе не подхожу. Тебе нужен кто-то вроде Алки.

Андрей разозлился: только выяснения отношений с женой ему сейчас не хватало!

– То, что Алка – стерва и дура, я знаю давно, но то, что ты такая дура, для меня сюрприз. Ты что думаешь, твой папаша не разнюхал бы, если бы я завел себе любовницу, и не стер бы меня с лица земли? Смешно, ей богу. Запомни раз и навсегда. Первое: я собираюсь жить с тобой долго и счастливо. Второе: никакой женщины у меня нет. Насчет дачи расскажу позже. Алку я прибью. Третье и самое главное. Сейчас ты мне очень нужна и как жена, и как эксперт-психолог. Ты знаешь, куда я вляпался из-за твоего папаша? Я теперь директор завода, который должен выполнять государственный оборонный заказ, там все должно быть секретно. А я в

этом, как свинья в апельсине. Ты понимаешь, что меня можно подставить на раз? Если меня закроют, что будете делать вы с Ксюхой? У меня от всего этого голова пухнет, а ты с разводом. Ты хоть знаешь, у кого твой отец завод купил? У Плахотнюка. Слышала такую фамилию?

– Андрей, а ты с отцом советовался насчет завода? Что тебе с этой секретностью делать?

– Эмма, может, это он и решил меня подставить. Я во всем должен разобраться сам.

– Отец не может хотеть тебя подставить. Что угодно, только не это. Он знает, что я тебя люблю. А вот Плахотнюка он ненавидит. За что, не знаю. Я этого самого Плахотнюка видела только один раз, совсем маленькой девочкой, даже странно, что все хорошо помню. Отец привел меня на елку в свое министерство. Я там водила хороводы вокруг елки, а потом ко мне подошел мужчина, дал конфету и сказал, что я очень красивая. Я конфету взяла и уже хотела положить ее в рот, но тут подошел отец, выхватил у меня конфету и дал по пятой точке за то, что конфету у незнакомого взяла. Мужчина рассмеялся:

– Что, Колька, боишься, что отравлю? Ребенка не трону. Ничего не докажешь, даже не старайся.

Отец тогда больно сжал мою руку:

– Я и не собираюсь ничего доказывать, я просто тебя грохну. Молись, чтобы у Эммы ни один волос с головы не упал. Если что, я виноватого искать не буду, грохну сразу.

Отец повернулся, и мы ушли. Плахотнюк тогда вслед нам сказал что-то вроде: «Глаза-то у нее точь-в-точь, как у Марты, а уши – мои», – и засмеялся. Я на всю жизнь запомнила, как у отца руки дрожали. Он меня за руку вел, а руки дрожали.

– Может, ты неродная дочь?

– Нет, точно родная. С месяц назад отец мне свое завещание показал. Он собирается почти все мне оставить. Чужому ребенку он бы ничего особо хорошего делать не стал. Что ты от меня хочешь, как от психолога?

– Завод должен освоить выпуск разработки одного НИИ. Мне нужно знать, на кого я там могу опереться, кто не подведет. Ты двойное дно у людей сразу видишь. Помоги. Сама понимаешь, на Матвея положиться я не могу. Сибарит.

– Это не вопрос, чем могу, помогу. Так что насчет дачи?

– Черт подери, не хотел пока про дачу говорить. Рано немножко. В общем, так: на дачу я езжу играть на скрипке. Мать предупреждала меня, дурака, что я без музыки не смогу. Я музыкалку, как матери обещал, окончил, а потом завязал. Завязать-то завязал, а как Ксюха играть начала, понял, что больше без скрипки не могу. Скрипку я купил, хорошую, даже очень хорошую, чтобы потом Ксюшке пригодилась. Попробовал играть – пальцы не слушаются. Стыдно перед Ксюхой. Вот я и стал на дачу ездить и заниматься. Сейчас уже немножко получаться стало. Если хочешь, можем сейчас прямо на дачу поехать, и ты своими глазами все

увидишь. Даже, может быть, услышишь, если захочешь. А Алку, стерву, я точно прибью.

– Подожди, Андрей. У меня голова кругом. Ты давно скрипку купил?

– Да где-то уже полгода.

– Так меня Алка с Нинкой полгода уже достают, что ты мне изменяешь.

– Ты потому эти таблетки дурацкие пила? Мне Ксюха все рассказала. Я думал, тебя отец довел. Имей в виду, что я Борьке твоему морду за эти таблетки набью. Вот немножко с заводом разберусь и набью.

Эмма заплакала, Андрей ее обнял и поцеловал. На дачу они поехали втроем; ждать, пока отец привезет новую скрипку, Ксюша была категорически не согласна. До позднего вечера они с отцом музицировали, а Эмма сидела на диване и тихонечко плакала. Уже ночью Андрею позвонил Василий Ильич. Он попросил Андрея в десять тридцать быть у завода, но на территорию не входить, пока он не даст отмашку. К одиннадцати Ильич попросил пригласить Нилова. И еще для оперативной связи Ильич попросил Андрея взять его протеже себе в секретарши.

Матвею Нилову все в институте в целом понравилось. Что бы там ни выдумывал Андрей, Матвей был доволен, что побывал на испытаниях. Конечно, что там такого, в этих приборах, что заставляет их так хорошо работать, он не понял, но он и не стремился понять. Главное, что он увидел реакцию вояк. Прибор был принят на ура. Значит, будет востребован сначала на нашем рынке, а позже, когда пойдут в серию приборы следующих поколений, можно будет и об экспорте подумать. Тесть не обманул, дело стоящее. И Романшин производит впечатление надежного человека. Выдержанный. Андрюшка чего только ни вытворял, а Романшин, что называется, бровью не повел. Только смотрел на Андрюшку внимательно, видимо, старался угадать, зачем весь этот цирк Андрюшке нужен. Матвею размышлять, зачем Ветров строил из себя клоуна, было лень. Он вышел из института, подумал, подумал и поехал обедать. Хорошо, что институт в центре, до любимого ресторана рукой подать. Матвей сделал заказ по телефону, и к его приезду в его любимом кабинете стол был уже накрыт, и официант мгновенно подал закуски. Матвею в ресторане все нравилось: и белизна накрахмаленной скатерти, и столовое серебро, и сверкающий хрусталь, а главное, атмосфера консервативной роскоши. Матвей вообще старался

посещать заведения только для солидных людей.

После ресторана Матвей обошел несколько антикварных магазинов, но ничего стоящего, что привлекло бы его внимание, не обнаружил. Зато у букинистов нашел прижизненное издание рассказов Чехова. Это была страсть Матвея, он собирал книги, изданные при жизни писателей. В его библиотеке уже было больше сотни томов. В том же букинистическом Матвей прикупил еще и книгу брата Романшина – Кирилла – об истории их семьи. Теперь будет чем занять вечер. Домой Матвей отправился пешком, променад для здоровья совершенно необходим.

Квартира у Матвея была отменная. На самом деле она состояла из трех больших квартир. Какходишь – большая прихожая, в которой впору ставить камень с указателем возможных направлений движения. Так вот, если идти прямо, то попадешь по желанию или в громадную гостиную, или в столовую, соединенную с кухней. Налево пойдешь – попадешь на половину жены – Аллы. Кстати, Алла в качестве жены Матвея вполне устраивала. Выглядела фешенебельно и даже дома никогда не ходила распустехой. Это Матвей ценил особо. Что до ее капризов и вечных ссор с окружающими дамами – Матвей такими мелочами не заморачивался. Зачем? Так и проблемы с пищеварением нарисоваться могут.

Как правило, приходя домой, Матвей не шел ни прямо, ни налево, Матвей шел направо. Здесь было его царство: кабинет, библиотека, спортивная комната и оранжерея. Вмеша-

тельства Аллы в интерьер своей части квартиры Матвей не терпел. У него все было так, как ему нравилось: дорого, со вкусом, без всяких лишних украшательств и женских штук. Матвею очень нравилось, что у него в библиотеке пахло дорогим табаком с ванилью, а в баре виднелись бутылки дорогого коньяка и виски. Матвей не курил и практически не пил, но табак и спиртное казались ему очень подходящими предметами интерьера мужского обиталища.

Матвей был сыт, поэтому он намеревался дома сразу пойти к себе. Он уже мысленно любовался томиком Чехова у себя на книжной полке, поливал свои орхидеи и садился в любимое кресло с книжкой Кирилла Романшина. К сожалению, жизнь, случается, преподносит нам сюрпризы, причем не всегда приятные. Матвей очень удивился, но дома, в прихожей, он застал жену, мягко говоря, не в лучшем расположении духа.

– Матвей, ты почему так поздно? Ты, что, забыл, что я тебя жду?

– Аллочка, детка, я пришел, как всегда, даже чуть раньше. Что случилось? Я не знал, что ты меня ждешь.

– Ты же сегодня был на испытаниях.

– Был и был, что с того? Все прошло отлично. Там же все секретно, я все равно не могу тебе ничего рассказать.

– Не будь дураком! Мне плевать на все ваши секреты. Расскажи, как там Романшин.

– Георгий Викторович? А что про него можно рассказать?

Хороший мужик, все у него, как по нотам. Коллектив у него хороший.

– Ты точно решил меня довести, еще про коллектив расскажи... Ты Георгию про меня сказал?

– Сказал.

– А он что?

– А он ничего. Только спросил, будешь ли ты принимать участие в руководстве объединением.

– Сволочь, я его замарашку теперь сгною.

– Аллочка, не трать свои нервы попусту. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что вы с Романшиным совершенно разные люди. Разошлись, и слава богу. Он теперь счастлив со своей замарашкой, а ты со мной. Или я тебя чем-то не устраиваю?

– Ты пойми, он тогда слинял и даже слова мне не сказал. Записку оставил, что продолжать нашу семейную жизнь совершенно бессмысленно. Только ноутбук забрал, и все. Кто он, лимита чертова, и кто я. А он так со мной, как будто я никто.

– Аллочка, Романшин поступил как здравомыслящий мужик. Напрасно ты на него злишься. Если б он с тобой отношения выяснять начал, ты бы устроила грандиозный скандал. Зачем ему это? Он не лимита, вон до каких верхов дошел сам. Настоящий self-made man... Ты не находишь, что мы слишком долго говорим о Романшине? Может быть, мне пора начать ревновать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.